

Булат Окуджава

ЛИРИКА

Издательство газеты „Знамя“
Калуга * 1956

Булат Окуджава

Л И Р И К А

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГАЗЕТЫ «ЗНАМЯ»
Калуга ☆ 1956

может быть и не так,
не по строчкам стиха моего,
и, наверно, у всех
эти встречи проходят по-разному,
но попробуй представить себя
хоть на миг без него.
И когда нам в дороге
порою приходится трудно,
если горек туман,
если парус едва не поник,
разве мы не приходим к нему,
чтобы ветер попутный,
чтобы силу извлечь
из испытанных временем книг.
Все, что создано нами прекрасного,
создано с Лениным,
все, что пройдено было великого,
пройдено с ним...
Он проходит простой и любимый
сквозь все поколения,
начиная свой путь
из далекой симбирской весны.

Здравствуй, жизнь!

Словно непогодю осенней,
обнимали робкие соседи:

«Жив остался —

это ль не везенье!

Доживай свое на белом свете
без разлук,

без горечи,

без слез...»

Отшумели жаркие сраженья,
а героем стать мне не пришлось.

Где тот танк,

в котором я и не был?

Только помню взорванное небо,
только помню,

пламенем объаты,

заживо горели в нем ребята,

одногодки,

может чуть постарше...

У могилы братской замер шаг.

Только охнул залп

прощальным маршем,

да земля посыпалась,

шурша.

Смерть прошла.

Я не столкнулся с нею.

Где пути ее —

не угадать:

завела судьба на батарею,
не рискуя время коротать.
И другие падали у дотов,
и, седую пыль полей клубя,
день и ночь упрямая пехота
под огонь шагала за тебя.
Но твердят назойливо соседи,
будто бы опутывают сетью:
«Что ж тебе спокойно не живется?
Жизни молодой не жалко вроде...
Ведь бывает:

даже полководцы
умирают дома —

не на фронте.
Не от сабли злой
и не от пули,
и кругом не бой,

а тишина,
и стоят в предсмертном карауле
не войска рядами,

а пилюли,
звезды да усталая жена.»

Что ж,

бывает, верю и в такое.
Только им

не легче от покоя.
На добротной дедовской кровати
не легко, должно быть,

умирать им,
этот час,

ослабшим телом встретив,
не на бранном поле кончив спор...

Нет, соседи,
будет не о смерти
разговор.
Лет в обрез.

И коротка немного
жизни человеческой дорога.
И недолгий путь свой подытожив,
все сполна на сердце положив,
вдруг поймешь,

что ты без счета должен
тем,

кто до сегодня не дожил.
Что им проку в маршах похоронных,
в шорохе знамен, упавших ниц,
и в речах,

и в мраморных хоромах
всяких усыпальниц и гробниц...

Вот она — души моей забота.

И нельзя укрыться от нее...

Здравствуй, жизни!

Приказ в атаку
отдан.

В ногу,
поколение мое.

Ночь после войны

Ничем тебя в памяти
не превозмочь,
первая послевоенная ночь.
Отгремели салюты,
сник закат,
улеглось победное торжество.
Но не спит,
но по городу ходит солдат...
Это что за бессоница
водит его?
Играет оркестр
в старом саду.
Как много невест
в этом году!
Холодное тело трубы обхватив,
трубит музыкант
забытый мотив.
И просится в сердце
мелодия та,
мигает фонарь,
как единственный глаз,
кружатся невесты,
плывет темнота...
С разлуки их молодость
началась.
Безногие люди сидят на скамье,

Ведь что им тоска расстояний любых:
ведут их знакомые прядкою
каждой
те черные косы — дороги любви,
которыми сам я вернулся однажды.

О чем они думают?

Мне невдомек.

На свете много дорог,

но синева,

что густым-густа,

создана

неспроста,

но журавли,

что плывут, шурша,

держат упрямый строй,

но тишина,

что звенит в ушах,

выстрадана

мною.

Вдова

Он не писал с передовой,
она — совсем подросток
звалась соломенной вдовой,
сперва — соломенной вдовой,
потом — вдовою просто.

Под скрип сапог, под стук колес
война ее водила,
и было как-то не до слез,
не до раздумий было.

Лежит в шкатулке медальон
убитого солдата.
Давно в гражданке батальон,
где он служил когда-то.

Но так устроено уже:
не сохнет лист весенний,
не верят вдовы в смерть мужей
и ждут их возвращенья.

Не то, чтоб в даль дорог глядят
с надеждою на чудо,
что, мол, вернется он назад,
что вот придет домой солдат
неведомо откуда.

А просто, бед приняв сполна,
их взгляду нет границы,
и в нем такая глубина,
что голова кружится.

Как будто им глаза даны,
чтобы глазами теми
всем не вернувшимся с войны
глядеть на мир весенний.

* * *

К нам в окна вновь, врываясь,
плещет

Уже которая весна,
А у тебя морщинки резче,
И все заметней седина.
И ты выходишь, чуть робея,
Упрятав грусть, умерив шаг,
Как будто вас с весной обеих
Нельзя и сравнивать никак,
Как будто невозвратно давни
Твои недавние года,
Как будто молодость годами
Измерить можно иногда.
Нет, годы — что; их грубой меркой
Мы чувства мерить не должны:
Не может молодость померкнуть
Под первым снегом седины,
Как не померкла в горьком дыме.
И ведь, огнем опалены,
Вернулись снова молодыми
Седые женщины с войны.
И, может быть, лишь с их приходом
Еще нужнее, чем была,
Сама весенняя природа
Нам крепко на сердце легла.

Сердце скажет

Нет, не будет ни долгих гудков,
ни печали.

Просто, песне своей изменив,
Сердце скажет: «Конец. Я, видать,
отстучало.

Ты, товарищ, меня извини».
Сердце скажет... А он не поймет,
удивится.

Он не думал еще о таком:
«Ты совсем обленилась, трусливая
мышца,

И тебя затянуло жирком.

Мир грохочет, а тут ковыляешь
с одышкой

От стены и опять до стены...»

Сердце скажет: «Четыре войны —
это слишком,

Это много — четыре войны».

...Шаг пехоты крутой, перебранка
тачанок,

И окоп у последней версты...

Сердце скажет: «А как я, товарищ,
стучало,

Чтобы ты невзначай не остыл!

В черных ранах земли неприкрытое
 тело,
И уводит весна под обстрел,
И тебе не до сердца, но как
 я горело,
Чтобы ты, мой товарищ горел!
С топором — на леса,
 с автоматом — на бруствер,
На затишье не выпало дня.
Ты страдал, а меня разрывало
 от грусти,
Ты любил, а сжигало меня.
Не по слову людей, не по буквам
 уставов
Я опять в неоплатном долгу
И не жалею, просто я очень
 устало
И уже ничего не могу».
А весна, как всегда, журавлями
 прокличет,
Позовет за собою весна...
Сколько ж надо сердец даже самых
 отличных,
Чтобы всем надышаться сполна?
И не вложишь в короткого века
 границы,
Что досталось пройти одному.
Сердце скажет... И старый солдат
 удивится,
Удивится себе самому.

* * *

Мореходы бедуют
в океанах ночами,
задыхаются плотники
в облаке стружек...
В нас с рождения поровну
и любви, и отчаянья,
как на этой планете
и зноя, и стужи.
По законам людским,
по статьям стародавним
Я не буду
к фаланге героев причислен.
Слишком мало побед,
слишком мало страданий
В послужном моем списке
коротком и чистом.
Ничего необычного
не случилось со мною —
Все такое простое,
все настолько земное...
Мореходы готовятся
с бурей встретиться грудью,
запевают рубанки
бесконечную песню...
Я завидую этим
удивительным людям

По-мальчишечьи чисто
и влюбленно, и честно.
Лишь когда пароходы,
накричавшись, отчалият,
Я вернусь переулком,
погруженным в молчанье,
И тогда мне припомнится
внезапно такое
Пустяковое облачко
немецкой шрапнели,
И меня санитары
выносят из боя
На моей,
продырявленной смертью,
шинели.

* * *

Полжизни промчалось в походах.
И вот, от разлуки устав,
торопишься к дому, на отдых.
Плывет за верстою верста.

Но только достигнешь порога,
войдешь в незабывтый мирок,
другая поманит дорога,
а мало ли в жизни дорог.

И вот перед тем, как расстаться,
выходишь в полночную тишь:
молчат паровозы на станции,
а ты у калитки стоишь

и дышишь прохладой поздней,
как в детстве далеком своем,
и падают тихие звезды
холодным и крупным дождем.

Давно домов растаяло тепло,
Лишь расстояние, словно наказанье,
За спинами солдатскими текло,
И смерть была близка, и небо —
хмуро,

Но мы писали письма на восток,
Похлеще, чем военная цензура,
Вымарывая грусть свою из строк.
Писали так: «У нас совсем
спокойно.

Окоп — уютен. Выстрелы—редки...»
И уносили в сумках почтальоны
Пропахшие любовью уголки.
Когда же уцелевшие в дороге,
Прошедшие по разным адресам,
Вдруг подступали ласковые строки
К усталым и заплаканным глазам,
И проступали стершиеся даты,
Не укрывая смысла своего,
Тогда никто не смел корить солдата
За выдумку нелегкую его.

Посредник

Сидишь одета в платье ситцевое,
облокотясь о стол рукою,
а платье-то давно повыцвело,
да и лицо уже другое.

А рядом ходит в белых валенках,
по-воробьиному щебечет
такой неизмеримо маленький,
но очень нужный человек.

То хмурит брови, то смеется,
то, обижаясь, горько плачет,
то вдруг в ладонь твою уткнется
комочком мягким и горячим.

И пусть ты буднично одета,
устала пусть, но для него
нет лучше платяца, чем это,
и лучше мамы — никого.

Бывает: спор меж нами вьюгой,
и крови жгуч к лицу прилив,
и мы стоим друг против друга,
чего-то там не поделив.

А он в углу, в игрушках, замер,
и игры те забыв, сидит
и смотрит круглыми глазами,
за нами пристально следит:

как будто замер перед боем,
как будто, сжавши кулачки,
готов тебя прикрыть собою,
готов померяться со мною,
своим силенкам вопреки...

И тотчас, словно пробуждение,
весь спор поник, и пыл угас,
и ссора стороною где-нибудь
идет, не задевая нас.

* * *

Здравствуй, маленький,
здравствуй, счастливый
сынишка мой,
в бумазейной рубашке,
в штанишках коротких
и с глазами —
двумя озорными синичками,
с развеселою ямочкой
на подбородке.
Нет, тебе невдомек,
что когда-то отец твой,
сам едва не мальчишка,
безусый подросток,
нес солдатскую службу
со смертью в соседстве,
с первых маршей войны
став негаданно взрослым.
Нет, тебе незнакомо осколков
пощелкиванье,
от разрывов
не приходилось
сутулиться,
да и маму свою
ты не видел девчонкой
под бомбежками
на воронежских улицах...

* * *

Зима отмела, отсугробилась.
И вот переулками,
улицами
такой долгожданный и теплый
апрель начинает прогуливаться.
Сперва осторожно, наощупь,
потом все смелей,
упрямей...

Травы,
еще не проросшие,
поит весна ручьями.
Того и гляди, расплещется,
раскинется ее сила.
Добрый день, путешественница,
молодая,
красивая!

Как в дверь, раскрытую настежь,
входит в сердца любовью,
предвестьем скорого счастья —
небо ее голубое.
Плывет над землею песнь ее,
яркая,
словно радуга...

Завидная эта профессия —
жизнь украшать и радовать!

Апрель

Когда исхоженное станет
Студить последним декабрем,
Седой архив воспоминаний,
Не торопясь, переберем.
И вспыхнут давние надежды,
Любви закружится метель.
И нам захочется, как прежде,
Подкарауливать апрель.
Чтоб по-весеннему одетым,
С двадцатилетием в груди
К девчонке, вынесшей букеты,
Не спотыкаясь, подойти.
И, не боясь прослыть нелепым,
К груди девчонку ту прижать,
И синих глаз сплошное небо,
Да, только небо целовать.
Друзья, а мне до слез обидно
Какой нас холод обволок?
Мы стали важны и солидны
Не к месту, не к добру, не в срок
И в кабинетах, как в потемках,
Сидим, не поднимая глаз,
И та апрельская девчонка
С цветами ждет уже не нас...

В лесу

У тебя в руках ружьишко,
впереди рассветный дым,
ты доволен, как мальчишка,
одиначеством своим.

Вот и лес. Зарей окутан.
Поглядишь со стороны
и покажется, как будто
дремлет он и видит сны.

Но едва шагнешь ногою
в этот замерший покой,
под ногой заплещет хвоя,
словно море под тобой.

И тропа, с травой слившись,
сквозь лесные рубежи
осторожно и неслышно,
как живая, пробежит.

День идет легко и быстро.
Но бывает иногда:
отзвучит последний выстрел,
вспыхнет первая звезда.

Под ногою ветка хрустнет,
птицы кинутся во тьму,
и внезапно станет грустно
неизвестно почему.

Словно к берегу пустому,
ты приплыл издалика,
словно кто-то манит к дому...
не ее ли то рука?

Не она ли тропку эту
вслед послала за тобой,
чтоб с любых окраин света
воротить тебя домой?

За Черной речкой

Решил свинец вражду и спор.
Решил. А долго ли жалели
Его, убитого в упор
За Черной речкой, на дуэли?..

А много ль было горьких слов,
Хоть вскользь, обронено в салонах,
Иль шелком бальным, снегом словно,
Все замело и занесло?

Шумели толпы, боль и жалость,
И скорбь не в силах превозмочь.
Как будто вся земля сбежалась,
Чтоб вместе мерзнуть в эту ночь.

Несло от свеч дымком угарным,
И до зари не гас огонь,
И в шубы кутались жандармы,
Скрывая золото погон.

Была ли им вражда известна,
Вражда — преддверие беды?
И не к дворцовым ли подъездам
Тянулись той вражды следы?..

А в тех дворцах балы кипели,
Лилась мазурка по рядам.
Там было славное веселье,
И много их кружилось там.

И безобразных, и красивых,
Холодных, и с огнем в крови...
Но кто из них с его Россией
Был в силах спорить о любви!

Ее любовь плотнее, уже
Смыкалась у крыльца в ночи.
И аромат духов и стужи
Мешался с горечью овчин.

И в толпах тех затерян где-то,
Холеным барам не чета,
Мужик крестился, хоть поэта
Ни разу в жизни не читал.

Моя Франция

Дождя пелена косая.
Пропитано все водой.
А ты под дождем босая
стоишь, протянув ладонь.

Усталостью смяты плечи.
Мертвы на губах слова...
Такою тебя под вечер
художник нарисовал.

Мутная, нерастреванная,
серая акварель.
Он плакал, старый художник,
судьбы не поняв твоей.

Но я за осенней мглою
вижу тебя другой:
с поднятой головою
идешь ты в последний бой.

И в этом бою неистовом
рождается и встает
в поступи коммунистов
будущее твое.

Я всюду тебя встречаю,
хоть ты от меня далека:
и в голубиных стаях,
рвущихся в облака,

и в кулаках матросских,
в играх твоих детей
и в честных глазах подростка,
продающего «Юманите».

Грустить, художник, не надо,
вглядись-ка в эсенний дым:
женщина с баррикады
стоит за холстом твоим.

Гейне

Гремят по обломкам копыта,
По ранам недавних боев.
Взъерошенной Эльбой омыто,
Германия, сердце твое.

Неведомый путь уготован,
Рассвет затерялся в ночи.
Задумался старый Бетховен,
И Гёте, насупясь, молчит.

И Гейне, печальный изгнанник,
В далекѣм скитаясь краю,
Увидел в свинцовом тумане
Сожженную землю свою.

Смертей и развалин без счета —
Обычный побоища след,
Но было такое в нем что-то,
Чему удивился поэт:

Сквозь трещины в ржавом металле
Весенняя зелень текла,
И белые птицы взлетали
В спаленное небо стремглав,

И та, что была им воспета,
Что вечно живая была,
Сквозь сизую дымку рассвета
К солдатским кострам подошла.

Спокойно, надежно и ясно
Горят перед нею, горят
Походные звезды на касках
Пришедших с востока ребят.

* * *

Листва багряная —
осенние цветы.

Не те, что продают на перекрестках,
Не те, что по утрам срываешь ты
Спокойно, не задумываясь, просто.
Их пеленой прикрыл рассветный
дым.

На них ледок случайный
и непрочный.
Они пока неизвестны и не им
Соперничать с улыбками цветочниц.
Они летят который день подряд.
Но знаю я, что утром недалеким
Трамвай остановит листопад,
И люди вздрогнут, выглянув
из окон:

А листья в вышине плывут, паря,
То вниз, к земле, швырнет
их свежим ветром,

Чтоб подчеркнуть богатства
сентября,

Твоей земли и красоту, и щедрость.
Вершатся свадьбы. Ярок их разлив.
Застольный говор и горяч, и сочен

И виноградный сок, как кровь земли,
Кипит и стонет в темных недрах
бочек.

Он в долгом одиночестве изныл,
Он рвется в шум, ему нельзя без
света...

Нет, осень не печальнее весны,
И грусть ее — лишь выдумка
ПОЭТОВ.

* * *

Стоят леса опутаны
Осенней желтизной,
Бредет усталый путник
По просеке лесной,
Нехоженой, неезженной,...
А сам — о ней, о ней:
Живет в сознании женщина
И нет ее сильней.
Внезапно разлюбившая,
Кто знает — почему,
Остывшая, забывшая,
Да вот нужна ему.
Все кончено, все сломано,
Но он, как будто слеп...
А сколько горьких слов она
Ему швырнула вслед.
Ведь вот какая женщина!
А без нее не жить.
Змеится в сердце трещинка,
А он: любить, любить...
И верит и надеется,
Что вот придет пора,
Что где-нибудь имеются
По сердцу мастера.

* * *

Шла девушка тропинкою лесной
Не осенью,
 не летом,
 не весной;
Январь ее не кутал в колкий снег...
Шла девушка
 в моем мальчишьем сне,
Шла девушка,
 молчание храня,
И было ей совсем не до меня.
Задумчивая, нежная была
И не ждала меня,
 и не звала,
Лишь только головою повела
И невзначай с собою увела.
Те сны прошли
 и детства больше нет.
Но я иду,
 иду за нею вслед.

* * *

Ты веди нас по жизни строго,
жаркой молодости дорога,
чтобы не было на пути
ни расслабленности
до срока,
ни отчаянья в груди.
Если ж скрученные печалью
вдруг опустятся два крыла,
и привычная за плечами
станет молодость
тяжела,
и безжалостно лягут сроки
горькой веточкою у глаз...
Пусть случится это
в дороге,
и весна пусть проводит нас.

ВЕСНА
В ОКТЯБРЕ

ноэма

ВЕСНА В ОКТЯБРЕ

Поэма

Россия

...«Нужны ли звезды
Российской империи?
И есть ли смысл
пробираться к Луне?
Она не так далека
и теперь ее
можно в трубу
разглядеть вполне.
Довольно исследований и поисков!
Во всех этих выдумках
кроется двойственность.
России гораздо нужнее войско
для обеспечения
спокойствия.
Вон студенты
запретное перелистывают,
крестьяне к поместьям
упрямо крадутся...
Наводнило империю
социалистами,

развелось поджигателей
и вольнодумцев.
А тут еще вздумали
небо облазить...»
И почерк монарший
ложится старателен:
«Поменьше ученых
и всяких фантазий,
побольше казаков
и прочих карателей».
И вот,
полосатые версты не меряя,
пылила по трактам
монаршая милость,
во все уголки
непокорной империи
с клинком и нагайкой
катилась,
катилась.
Россия, Россия,
а сколько повистрадано,
лихая судьба завела на распутье...
Тебя продавали цари и министры,
тебя оболгали попы и распутины,
твой стон заглушали
церковные оргии;
и все же, мечтая
о светлом, о лучшем,
Россия, Россия,
считала ты,
сколько их,
твоих сыновей,
в застенках замучено?..

Губерния

По улицам города
слухи бродили,
гоня обывателей
с теплых матрацев:
учитель свихнувшийся
выточил крылья,
решил до Луны
прямиком добираться.

Не часто столкнешься
с такими вещами.
Опасная выдумка.
Бред, не иначе...
И вот,
засуетились мещане,
высматривая,
шепча
и судача.

И полз шепоток
по дорогам окрестным,
сквозь ставни сочился
и в уши вползал он:
«Что ему в городе
что ли тесно?
Что кренделей ему
что ли мало?»

Луна, она вон где,
она ведь не что-нибудь...
Скажите, пожалуйста,
экая птица!
Да как это так —
человек, чтобы по небу!

А что же ему на земле
не сидится?
Такого отцы
и во сне-то не видели
(не будь эти страсти
помянуты к вечеру)...»
И он становился у них
отравителем,
бунтовщиком и
фальшивомонетчиком.
Вот он шагает,
как будто нездешний,
совсем одинокий,
ненужный,
незванный.
Хозяева
вслед ему смотрят
насмешливо,
и псы во дворах
цепями позванивают.
Лицом к лицу
разговоры о вере,
но воздух отравой
пропитан насквозь.
Его душило
их лицемерие,
тупость их
и ленивая злость.
И все это вместе,
дурманом опутанное,
стеной окружало,
давя и тревожа.
Казалось, как будто
сигнала лишь ждут они,
чтоб разом

наброситься и уничтожить.
И можно ли было,
печаль свою выплакав,
легко и спокойно
зарыться в дела?..
... меня,
человека сегодняшней выправки,
поэзия в мир тот
на миг завела.
Мы с ним повстречались
в далеком «когда-то»,
как будто влекло нас
тропою единой,
как будто свидетелем
и секундантом
я был приглашен
на его поединок.
А бой разгорался
все ярче, все резче,
но кровь не лилась,
как бывает, рекою,
и шпаги
со звоном не перекрещивались,
и гарью не пахло пороховою.
Но шло наяву,
а не в воображении,
без передышки,
с отменным упорством
за годами годы — это сражение,
это бескровное единоборство.
Враги...
Беспощадная дикая стая.
Он с детства знаком был
с их злобой и спесью.
Их каждый лабаз —

что стена крепостная:
попробуй — проникни,
попробуй — пробейся.
А звезды горели,
дразня и поблескивая.
Все чаще и чаще томило сомненье:
к чему тебе эта мечта,

Циолковский?

И кто твое дело поймет и оценит?
Делиться сомненьем?
Наивно и не с кем.
Ну что ж, он готов
и к насмешкам, и к битвам.
Но жизнь заполнял,
захлестывал дерзкий,
безжалостный враг,
именуемый бытом.
За тонкой стеною
жена, малыши.
И горькою платой
за долгие годы
в кармане обидно звенели гроши—
застывшие капли
лишений и пота.
И разве дойдешь
до чего-то большого,
когда и до малого
версты не считаны,
когда иссушил
доходец грошовый —
служба, белыми нитками шитая.
Тупик?..
Ведь бывает,
и чтоб без огласки,
когда безысходность

огнем распалит,
холодные волны
покажутся ласковой,
нужней и удобнее
всякой земли.
Вода всколыхнется лениво
и кончено.

А может быть выстрел?
Вернее и проще...
Но дуло тянется
к жилке височной
убийственно медленно,
словно на ощупь.
Немыслима жизнь,
да порвать с ней
не просто.

А годы?
А звезд непочатая сила?
Неужто опять
их несчитанным гроздьям
загадкой гореть
над нищей Россией?
Бывало не раз:
только шаг не осилен,
а боль залечить
не отыщешь врача,
но сердце не сдастся
и крикнет:
«Россия!
Ведь я для тебя это все,
выручай!..»
И в миг,
что, казалось,
не сыщешь спасения,
в раскрытые окна

на помощь внезапно
ворвется, охватит
дыханье весеннее,
родимой земли отрезвляющий
запах.

Вот так
и не сказкою,
не сновиденьем,
а новой надеждой,
поддержкой целительной
пробились к нему
ручейки сбережений
безвестных его
друзей и ценителей.
Стекались без звона,
без пышного слова,
не подаянием
из холеной руки...
И были ему
золотей золотого
простые
медные те пятаки.
Ведь это не просто
подачка ученому
на бедность,
на старость,
на жалкий уют...
Земля,
измученная

и иссеченная,
с ним разделяла
надежду свою.
О нет, он не маг,
не колдун, не астролог,
он просто рабочий,
строитель,
труженик,
земля заболела болезнью
тяжелой —
ее излечить обязательно нужно.
Вы пламенем
раны ее опалите,
опрыскайте душу
водою живой...
Россия,
да где ж он,
твой исцелитель?
По звездам ли высчитать
время его?

Обретенное

Шуршала листва
всевозможной раскраски;
пестрели заборы,
листами оклеенные;
Калуга дышала
морозцем октябрьским
и жаром декретов,
подписанных Лениным.
Она просыпалась
внезапно и затемно,
и улицы все

заполнялись мгновенно:
ей каждая новость
была обязательна,
и каждая речь ей
была непременна.
Один за другим
поднимались ораторы.
На мнущихся
не было спроса в ту осень:
тогда принималось
все безвозвратно
или же
не принималось вовсе.
А он все шагал
мимо пеших и конных,
охваченный ритмом
неслыханных песен,
а город казался
ядром раскаленным:
фитиль поднести —
и взлетит в поднебесье.
Все было ему
удивительно ново:
и сила
недавно прочитанных строк,
и вместо усатого городского
посты солдатские у костров;
замки на лабазах,
подпоры железные,
ключей вековых
поворот троекратный...
А дроги хозяев
на юг, в неизвестность,

тряслись по ухабам
Козельского тракта.
На дугах не пели,
как встарь, колокольчики,
и не было ленточек
в гривах взлохмаченных.
Калуга вышвыривала
афончиковых,
за многие «милости»
разом расплачиваясь.
«Судьба окаянная,
не верна ты...
сулила дороги,
а встретила тропами...
Солдаты продались,
сбежал губернатор,
и дом губернаторский
полон холопами...»
Бывало,
холеные бороды выставив,
вот к этому дому
дорожкой укатанной
съезжались архиереи и приставы,
купцы и дворяне
и прочие знатные.
Съезжались из
особняков и поместий,
довольством лоснясь
и богатством поблескивая,
а рядом, под носом,
нужда и безвестность
душили,
сводили с ума
Циолковского.

Ему приходилось
труднее с годами,
но, боль и усталость
упрямо осиливая,
ученый мечтал,
как о радостном самом,
о счастье твоём,
Россия, Россия!
А звезды горели
все ярче, неистовей,
как будто бы звали,
как будто просили,
и он торопился
дороги к ним выстелить,
и все для тебя,
Россия, Россия!
И вот всколыхнулось
багряное зарево...,
но новость о людях,
пришедших с рассветом,
наверно, не звезды
ему рассказали,
и ветры, наверно,
не пели об этом.
Был вид тех людей
повседневно обычен.
Те люди
лавровых венков не носили.
Их внешность совсем
не блистала величием,
величием
новых хозяев России.
В дырявых лаптях,
в обожженных шинелях,

крещеные пулей,
покрытые пылью...
Но можно ли было
нежней и сильнее
любить,
чем они
свою землю любили?
И снова сомненье
минутною болью
в душу врывалось
под грохот орудий:
до звезд ли теперь?
Да и небо нужно ли
вот этим,
земным до последнего,
людям?
Гудели костры
под ветрами осенними,
а звезды сквозь тучи
землю отыскивали...
Казались они
то костров отражениями,
то в черное небо
летащими искрами...
Пальто нараспашку.
Пусть ветер,
пусть поздно!
Что ж старость?
Она ведь надежды не студит.
И он к тем кострам
торопился,
как к звездам,
как к первой любви
торопятся люди.

Куда?
Там не рай ведь.
Там мысли и пальцы
к винтовочным лолам
припаяны прочно.
А стужа вот-вот
наползет и навалится.
А много ль тепла
от костров полуночных?
Твой дом не набит
сундуками окованными,
и каждая корка
на строгом учете.
А много ль у этих
хлеба пайкового,
чтоб думать еще
о тебе, звездочете?
Смертями и голодом
быт их украшен
и стужей прошит,
и из горечи соткан...
Но что-то большое
кипело в их маршах,
в их крепких словах
и в упрямой походке.
Им жизнь
устилала пути не цветами,
не мрамор ложился
на стены хатенок,
но он торопился
к ним на свидание,
как будто к юности обретенной...
Бывает
то дождь, то крупа,

и без устали
жирную грязь
на ногах не дотащишь,
но сердце уже
заболело предчувствием
весны неминуемой
и настоящей.
Костры разгорались
на многие версты,
их пламя лилось
ослепительным блеском,
и отсвет его
волновался на звездах,
немеркнущих звездах
красногвардейских.
Стояла пора,
новизной напоенная.
«Земли и свободы!
Свободы и света!»
Россия,
не думы ль твои затаенные
тогда вырывались
из строчек декретов?!
Слова, как слова,
повседневны и зримы,
но было ли что
их огня убедительней:
«Мечты
революции
необходимы.
И небо,
и звезды
нужны победителям».
Костры разгорались.

Все вышѐ,
торжественней
взлетало их пламя
в сумраке синем...
Костры и солдаты,
и он,
путешественник,
и всюду,
куда ни помотришь,
Россия.

Содержание

	Стр.
Ленин	3
Здравствуй, жизни!	5
Ночь после войны	8
Возвращение	10
Журавли	12
Вдова	14
К нам в окна вновь, врываясь, плещет	16
Сердце скажет	17
Мореходы бедуют в океанах ночами	19
Полжизни промчалось в походах	21
Письма	22
Посредник	24
Здравствуй, маленький	26
Зима отмела, отсугробилась	28
Апрель	29
В лесу	30
За Черной речкой	32
Бессмертье	34
Моя Франция	36
Гейне	38
Листва багряная — осенние цветы	40
Стоят леса опутаны осенней желтизной	42
Шла девушка	43
Ты веди нас по жизни строго	44
Весна в октябре (поэма)	45

Булат Окуджава

Лирика

Редактор И. М. Богданов

Техн. ред. Л. Г. Петров

Обложка художника А. Каурова

ТБ01636 Сдано в набор 16/III-56 г. Подп. к печ 24/V-56 г.
Формат $70 \times 92^{1/32}$ 2 п. л. Тираж 3000 экз.
Цена 1 руб. Зак. 814

Калужская типография областного управления культуры,
пл. Ленина, 5

Цена 1 руб.

с 1.1.1961 г.
цена
- р.10 к.